

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 4 (85). С. 7–22.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 4 (85):7–22.

Научная статья

УДК 94(470.313):94(474.5)"14/15"

DOI 10.37724/RSU.2024.85.4.001

Выходцы из Великого княжества Рязанского в Литве в конце XV — середине XVI века

Андрей Андреевич Бондаренко

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия
bondarenko-a.a@mail.ru

Аннотация. Изучение выездов и обстоятельств перехода на службу к другим государям выходцев из корпораций удельного боярства и великокняжеских служилых людей является значимой задачей исторической науки, актуальность которой подкрепляется повышенным исследовательским интересом к этому масштабному явлению социально-политической истории XV–XVI веков. Проблема выезда рязанских служилых людей в Великое княжество Литовское, ставшее последним прибежищем для князя Ивана Ивановича Рязанского, до сих пор не получила должного развития в историографии. Цель предлагаемой работы — выявить упоминания вероятных представителей рязанской служилой элиты, перешедших на службу к великим князьям литовским в период до 1521 года, установить их происхождение, служебный и землевладельческий статус, очертить круг родственных связей. Анализ письменных источников, в первую очередь актов Литовской метрики и ряда других документальных комплексов, позволил собрать информацию всего о нескольких лицах, в прошлом связанных (предположительно или точно) с двором рязанских князей; когда это было возможно, выявленные сведения были сопоставлены с данными родословных росписей. В период конца XV — середины XVI века в Литве служили Матвей Денисьевич Булгак Юрьев, Петр-Афанасий Глебов, Иван Иванович Кобяков, а также представители семей Резанцовых и Резанцев, имевшие статус великокняжеских «дворян». Немногочисленность выходцев из Рязани на территории Литвы дополнительно свидетельствует о том, что как до, так и во время ликвидации независимости Рязанского государства местная элита была ориентирована на службу московским великим князьям. Этим, в том числе, объясняется отказ основной массы рязанских бояр и детей боярских от поддержки своего государя в 1521 году.

Ключевые слова: Великое княжество Рязанское, Великое княжество Литовское, рязанская служилая элита, выезды служилых людей, Булгаковы-Денисьевы, Глебовы, Кобяковы, Резанцовы, Резанцы.

Для цитирования: Бондаренко А. А. Выходцы из Великого княжества Рязанского в Литве в конце XV — середине XVI века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 4 (85). С. 7–22. DOI: 10.37724/RSU.2024.85.4.001.

Original article

Natives of the Grand Duchy of Ryazan in Lithuania at the end of the 15th — middle 16th century

Andrei A. Bondarenko

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
bondarenko-a.a@mail.ru

Abstract. The study of emigration and transition to the service of other sovereigns of natives of the corporations of appanage boyars and grand-ducal servants is a significant task of historical research, and its relevance of which is supported by the increased research interest in this large-scale phenomenon of socio-political history of the 15th–16th centuries. The issue of departure of Ryazan residents to the Grand Duchy of Lithuania, which became the last refuge for Prince Ivan Ivanovich Ryazan, has not yet been properly developed in our historiography. The purpose of our research is to identify references of probable representatives of the Ryazan elite, who moved to the service of the Lithuanian Grand Dukes in the period up to 1521, to establish their origin, official and landowning status, to outline the circle of their family ties. The analysis of written sources, first of all acts of the Lithuanian metrics and a number of other documentary inventories, has allowed us to collect information on only several persons, in the past connected (presumably or precisely) with the court of Ryazan Princes; when it was possible, the revealed data have been compared with data of genealogical lists. In the period of the late 15th — mid-16th century in Lithuania served Matvei Denisyeovich Bulgak Yuriev, Petr-Afanasy Glebov, Ivan Ivanovich Kobayakov, as well as representatives of the Rezantsov and Rezanetses families, who had the status of grand ducal “nobles.” The small number of natives from Ryazan on the territory of Lithuania additionally testifies to the fact that both before and during the liquidation of the independence of the Ryazan State the local elite was oriented to the service of the Moscow grand dukes. This, among other things, explains the refusal of most Ryazan boyars and boyar children to support their sovereign in 1521.

Keywords: Grand Duchy of Ryazan, Grand Duchy of Lithuania, Ryazan elite servicemen, servicemen’s horseback inspections, the Bulgakov-Denisyevs, Glebovs, Kobayakovs, Rezantsovs, Rezanetses.

For citation: Bondarenko A. A. Natives of the Grand Duchy of Ryazan in Lithuania at the end of the 15th — middle 16th century. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2024; 4 (85):7–22. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.85.4.001.

Введение

В XV–XVI веках Великое княжество Литовское являлось главным направлением эмиграции для выходцев из русских земель различного ранга — от великих (Михаил Борисович Тверской, Иван Иванович Рязанский) и удельных (в первую очередь потомки Ивана Калиты) князей до представителей территориальных служилых корпораций, их послужильцев, слуг и «простых» людей. Ликвидация независимости Великого княжества Рязанского (1521 год) не стала поводом для массового отъезда местной служилой элиты в Литву: в соседнем государстве укрылся великий князь Иван Иванович, сопровождаемый лишь несколькими своими слугами¹. В то же время отдельные выходцы из Рязани оказывались по ту сторону русско-литовского рубежа еще до этих событий. В наиболее значимых исследованиях, посвященных изучению состава рязанского служилого сословия (см.: [Зимин, 1973 ; Сметанина, 1995 ; Кирпичников, 2021]), попытки идентификации рязанцев на литовской службе не предпринимались. Вместе с тем устойчивый интерес историографии к проблеме миграции феодальной знати в период позднего Средневековья и раннего Нового времени актуализирует эту задачу. Цель работы заключается в выявлении сведений о возможных представителях служилой корпорации Рязанского княжества, отъехавших в Литву до 1521 года, установлении их происхождения, служебного статуса и состава землевладений.

Основными источниками в поиске упоминаний предполагаемых выходцев из Рязани на службе у великих князей литовских являются акты и делопроизводственные документы Литовской метрики и ряда других комплексов. Сведения о происхождении и возможных родственных связях этих лиц содержатся в комплексе русских родословных книг и росписей XVI–XVII веков.

Уверенная идентификация того или иного служилого человека в качестве рязанца осложняется рядом проблем. Не вызывают сомнений упоминания представителей родов, несомненно служивших великим князьям рязанским (Денисьевы-Булгаковы, Глебовы, Кобяковы, Крюковы), а также прямые, но нечастые указания источников на регион происхождения или

¹ Изучение правового положения князя Ивана Рязанского в Литве и выяснение происхождения его «слуг», Степана Крюкова, Федора Толкачева и Ивана Ташлыка, является самостоятельной исследовательской задачей, которая в настоящей работе не ставится. Биография последнего великого князя рязанского после его бегства в общих чертах реконструирована И. Д. Иловайским (см.: [Иловайский, 1858, с. 238–242]), история литовских землевладений его послужильцев изучалась А. В. Казаковым (см.: [Казакоў, 2010, с. 29, 33, 96]) и К. Ю. Ерусалимским (см.: [Ерусалимский, 2018, с. 108–110]).

прошлой службы человека — «с Резани», «из земли Резанские». Менее очевидными являются упоминания возможных этнонимических прозвищ, политонимов: *Резан*, *Резанов*, *Резанович*, *Резанец*, *Резанцев* (с чередующимися в корне гласными е, я, а). В этой связи необходимо обратить внимание на этимологию слов с корнем *резан*.

Помимо *резаны/резени* — мелкой денежной единицы и соответствующей ей монеты времен Древнерусского государства, исторические словари русского языка трактуют *резань/резень* как 'отрезанный кусок', *рязань/резань* как 'сорт яблок' (значение фиксируется только с середины XVII века) (см.: [Срезневский, 1912, стб. 218 ; СлРЯ, 1997, с. 134, 135, 137, 291]). М. Фасмер связывал возникновение топонима Рязань с именем собственным *Ръзань* — 'вырезанный (из чрева матери)' (см.: [Фасмер, 1987, с. 537]). В качестве одного из значений слова *резанецъ* составители исторического словаря белорусского языка определили 'скопец', 'кастрат' (см.: [Гістарычны слоўнік ... , 2010, с. 50]). Аналогичное украинское справочное издание приводит в пример отчество либо дедичество *Резанович/Рязанович*, но не прослеживает его происхождение (см.: [Словник ... , 1978, с. 290–291]).

В XV–XVII веках некалендарное личное имя (прозвище), а также отчества, дедичества и родовые прозвания с корнем *Резан/Рязан* имели распространение как в русских землях, так и в отдельных регионах Великого княжества Литовского (см.: [Тупиков, 1903, с. 346, 347, 733, 735 ; Веселовский, 1974, с. 267, 275 ; Словник ... , 1978, с. 291 ; Boniecki, 1887, s. 282]). Очевидно, что далеко не все подобные антропонимы подчеркивали былую связь их обладателей с Рязанской землей. В литовских документах рубежа XV–XVI веков широко использовались географические определения типа «москвитин» («московит»), «тверитин» («тферитин») и «тверич», «псковитин» («пскович»), «брянец», «смоляннин»; в дальнейшем они могли закрепляться в качестве «псевдофамилии» человека. Исходя из этого, представляется целесообразным учитывать носителей топонимического прозвища *Резанец*, которое в совокупности с характерными для русских земель патронимическими суффиксами *-ов/-ев* дает достаточно веские основания считать *Резанцев/Резанцовых/Резанцевых* выходцами из Великого княжества Рязанского. Сведения о представителях двух таких родов будут приведены ниже, но вначале несколько слов о деятеле, чье рязанское происхождение не вызывает сомнений.

Основная часть

«Смольнянин» Матвей Булгак

Наиболее видным представителем служилой элиты Рязанского княжества, непродолжительное время состоявшим на литовской службе, является Матвей Денисьевич Булгак Юрьев. Будучи потомственным рязанским боярином, в период конца XV — первой четверти XVI века Матвей Булгак служил при разных дворах: был боярином и дворецким рязанского князя Федора Васильевича Третного, после его смерти был воеводой в уделе калужского князя Семена Ивановича, затем служил великой княгине рязанской Аграфене Ивановне, позднее отъехал в Литву и, наконец, в 1521 году вновь оказался в Рязани, но уже состоя на службе Василия III (подробнее о его карьере см.: [Бондаренко, Хоруженко, 2023, с. 33–36]). Источники указывают, что Булгак выехал в Великое княжество Литовское между сентябрем 1508 года, когда он упоминался в Рязани при дворе великой княгини-регентши Аграфены, и примерно маем-сентябрем 1510 года, когда его имя было внесено в список лиц, получавших жалование из литовской великокняжеской казны («скарба»). «Пан Булгак Денисович с Резани» был приписан к корпорации служилых людей Смоленского повета (к «смольнянам») [LM, kn. 8, 1995, № 575, p. 425].

Почетное титулование Булгака «паном», по всей видимости, не стало залогом приобретения им положения, соответствовавшего его прежнему высокому статусу, и получения какого-либо землевладения от Сигизмунда I Старого. В других документах Литовской метрики 1510-х годов — реестрах выплат и раздачи денежного и натурального жалования, грамотах на землю, материалах судебного делопроизводства — Булгак не фигурирует, что косвенно свидетельствует о его скором отъезде из Литвы. Принимал ли он участие в событиях 1512–1514 годов, приведших к взятию Смоленска русскими войсками, неизвестно.

Стоит упомянуть о том, что родной брат Матвея Булгака, Федор Денисьевич, погиб во время осады Стародуба в 1535 году (см.: [Памятники истории русского служилого сословия ... , 2011, с. 177]). Двое его «людей», Сидор Афанасович и «резанец» Павел Андреевич, значились в списке пленников («вязней»), датированном тем же годом (см.: [Памятники истории Восточной Европы ... , 2002, с. 180, 181]); их дальнейшая судьба неизвестна.

Смоленские бояре Резанцовы

В том же реестре раздачи жалования, в котором присутствует имя Матвея Булгака, фигурирует еще один «смольнянин» — Василий Яковлев Резанцов [LM, kn. 8, 1995, № 575, р. 424]. Происхождение смоленских бояр Резанцовых неизвестно, но они служили по Смоленску еще с конца 80-х годов XV века. В 1488 году Казимир Ягеллон пожаловал «Ваську Резанцову» шесть коп литовских грошей со смоленского мыта; около 1492 года среди смоленских бояр были упомянуты «Яковлевых Резанцевых два сыны», одним из которых, очевидно, и был Василий [Ibid., kn. 4, 2004, № 23.2, р. 81 ; № 141.1, р. 154]. Вероятный второй сын Якова Резанцова Федор (Федко) выступил участником масштабного разбойного нападения на брянские владения князя Юрия Ивановича Дмитровского. В 1507 году его жалоба была пересказана в Москве литовским послом: «пришод изо Мстиславля Петр да Дашко Василевы, да Федко Яковлев с(ы)н Разанцова, да Жабка из Рослава со многими людьми рославцы и со мстиславцы, да взяли деи во Брянску болши ста сел и деревян, а людеи многих побили, а иных з собою свели, а животов их на много рублей поимали» [Ibid., kn. 8, 1995, № 31.1, р. 67 ; kn. 7, 2011, № 15, р. 72].

Василий (Василь, Васко) Яковлев (Яковцов, Яковец) Резанцов (Резанец) еще несколько раз упоминался в так называемой «Книге отпра» (то есть выплат) за 1506–1510 годы, включенной в 8-ю книгу записей Литовской метрики. В 1509 году его имя было внесено в перечень выплат «бояром тым, которыи на Москве седили»; ему полагалось «10 коп [грошей] з вин дороги[цких]», то есть часть от судебных пошлин, штрафов, взимаемых замковым судом в Дрогичине [LM, kn. 8, 1995, № 565, р. 414]. Не совсем понятно, что скрывается за фразой «которые на Москве седили». Речь здесь не может идти о выходцах из Московского государства, как, скорее всего, и о пленниках, вызволенных из заточения после подписания «вечного» русско-литовского мира 1508 года. Список из «Книги отпра» явно избыточен (всего перечислено около 70 человек): помимо смоленских бояр, служилых татар и неустановленных лиц, в нем упомянуты великокняжеские урядники, придворные и представители ряда княжеских родов. В частности, «сидеть» «на Москве» никак не могла будущая на тот момента жена А. И. Ходкевича княжна Василиса Ивановна, дочь серпуховско-боровского князя Ивана Васильевича, владевшего в Литве Клецком, Рогачевом и Давид-Городком [Ibid., kn. 8, 1995, № 565, р. 415]. Следует полагать, что подзаголовок реестра раздачи жалования о «сидевших» «на Москве» боярах распространяется только на незначительную часть включенных в него лиц, а путаница со смешением имен из нескольких реестров произошла либо во время компиляции разрозненных подлинных «тетрадей» в первоначальный вариант 8-й книги Литовской метрики, либо уже во время ее копирования в конце XVI века (о составе 8-й книги записей см.: [Бережков, 1946, с. 127–129]).

Возможно, схожая ситуация имела место с росписью денежных и натуральных раздач служилым татарам 1510 года. Василий Яковлев «Резанец» был включен в перечень татар, состоявших в «стяге татарском Алогирском», то есть в одной из татарских хоругвей войска Великого княжества Литовского [LM, kn. 8, 1995, № 573, р. 424]. Тюркские имена в этом обширном списке представлены лишь в небольшом количестве.

В 1512 году «Василю Резанцу» из казны было выдано жалование тканью («5 локот сукна»), и в том же году его имя попало в перепись «дворян», находившихся на службе Сигизмунда I Старого. На этот раз Резанцов был назван не «смольняном», а «брянцем». Он значился среди дворян, владевших недвижимостью: выслуженное им имение располагалось в Бельском повете² [LM, kn. 8, 1995, № 158, р. 164 ; № 618, р. 459].

Вероятно, он же, «Василей Яковцов» (без указания родового прозвания), ранее 1511 года получил от Сигизмунда I Старого крестьян в Жорославской волости, прежде пожалованных дворянину И. И. Кобыкову [LM, kn. 9, 2002, № 262, р. 197], а в 1514 году вновь фигурировал

² Центром повета являлась не тверская крепость Белая, а современный польский город Бельск-Подляский.

в реестре великокняжеских дворян. Тогда он исполнял свою службу на 4 конях, получая за нее из «скарба» 12 золотых (см.: [Памятники истории Восточной Европы ... , 2002, с. 32–33]).

Ретроспективно Василий Яковцов (также «Яковец») упоминался в грамоте 1551 года. После смерти Яковцова по указанию Сигизмунда I Старого (умер 1 апреля 1548 года) и королевы Боны наместник последней, В. Г. Кимбар, выделил его вдове Катерине третью часть принадлежавшего ему в Городенском повете имения в «доживотное» пользование. Вероятно, Василий Яковцов не оставил потомства, а имение его вдовы еще при ее жизни было пожаловано Боной другому землевладельцу [РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 84 об.–85 об.].

Пан Иван Резанец и его потомство

В нескольких из упомянутых выше документов имя Василия Яковлева сына Резанцова соседствует с именами других носителей того же родового прозвания — Резанцами или Резанцовыми. Вполне вероятно, обе семьи состояли в той или иной степени родства, на что может указывать и первоначальная принадлежность к корпорациям смоленского либо брянского боярства, и общий статус господарских дворян, и наличие выслуженных имений («выслуг») в Бельском повете, и возможное тюркское происхождение. Если присутствие В. Я. Резанцова в татарской хоругви, на первый взгляд, не находит объяснения, то появление в списках служилых татар двух других Резанцовых кажется вполне логичным: ими были Иван Резанец и его сын Сеит, обладатель несомненно тюркского имени или прозвища ³.

Как и Василий Яковлев, отец и сын «Резанцы» фигурируют в реестре «стяга татарского Алогирского», в который они были внесены дважды, получая жалование тканями и деньгами [LM, kn. 8, 1995, № 573, р. 421, 423]. Затем оба были включены в список «дворян-брянцев», составленный не позднее 1512 года. Их имена помещены в этом перечне прямо перед именем Василия Яковлева: «Иван Резанец и з сыном Сеитем, на 5 конех. Именье, выслугу, в Белску маеть» [Ibid., № 158, р. 164]. Происхождение принадлежавшей Резанцам «выслуги» и ее дальнейшая судьба прослеживается по ряду частноправовых и великокняжеских грамот.

В одной из них Иван Резанец отмечал, что его имение — село Топчиалы в Бельском повете ⁴ — было пожаловано ему, его сыну Сеиту и зятю Васко Дмитриевичу Сигизмундом I Старым. Пожалование могло состояться между октябрём 1506 года, когда Сигизмунд Казимирович взошел на престол, и августом 1512 года, когда от имени Ивана Резанца и членов его семьи была составлена меновная грамота, по которой село Топчиалы обменивалось на принадлежавший пану Богушу Боговитиновичу «дворец» Стецковский в Слонимском повете. Имущественной сделке предшествовали весьма драматичные события, в результате которых был убит сын Ивана Сеит. Резанцы настроили против себя не только своих подданных, но и мещан города Бельска, принявших участие в погроме их усадьбы: «люди наши того села, звазнивши на нас, и посполь з мещаны бельскими сына моего Сеита до см(е)рти забили и мене самого были збили, ил(ь) едва есми жив зостал, и статки наши вси розобрали, и домы наши и гумна пожгли, и потом переимали нас по дорогам, хотячи таки нас побити» [AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. № 7456. K. 1].

Произошедший конфликт стал поводом для заключения меновой сделки с великокняжеским писарем, маршалком, крупным государственным деятелем и дипломатом паном Боговитиновичем, предварительно получившим дозволение на обмен землями от великого князя литовского. Иван Резанец, его зять Васко Дмитриевич и их не названные по именам жены и дети передали Боговитиновичу Топчиалы «з людми и з землями пашными и бортными, и с сеножатями, и с пушою, и со всим, как есмо сами держали». Взамен они получили «дворец» Стецковский, располагавшийся «близко Слонима», «з людми и с статком домовым, и з житом, и з ярым, и што кол(ь)ве в том дворци запахано, и з быдлом, и з домом меншим у месте Слонимском», а к тому же — 30 коп грошей «литовское монеты» (то есть 1 800 грошей), «а конь, а сукно» [AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. № 7456. K. 1].

³ Также *сеит* (от араб. “säjjd” ‘господин, начальник’) — потомок пророка Мухаммеда, почетный титул у мусульман (см.: [СлРЯ, 2000, с. 35]).

⁴ Ныне село Топчыкалы (польск. Torczykały) — в Бельском повяте Подляского воеводства Польши.

Пергаменная грамота Ивана Резанца, который сам себя так и именовал («Я, Иван Резанец...»), была составлена в Кракове 29 августа 1512 года. В октябре того же года Богуш Боговитинович получил от короля подтвердительную грамоту, закреплявшую «на вечность» условия заключенного с Иваном Резанцем договора; позднее сделка упоминалась еще раз в связи с расширением владений пана Богуша в Бельском повете [LM, kn. 8, 1995, № 621, pp. 461–462 ; kn. 19, 2009, № 29, p. 82]. Самому Ивану Резанцу подтвердительный лист на «дворец» Стецковский был выдан Сигизмундом в Кракове 1 сентября 1512 года, через несколько дней после совершения мены (документ датируется по индикту) (см.: [Ревизия пуш ... , 1867, с. 197]).

Иван Резанец «и з сыном» упомянуты в дворянском реестре 1514 года; оба служили на 6 конях, получая 18 золотых жалования (см.: [Памятники истории Восточной Европы ... , 2002, с. 31]). Поскольку Сеита Ивановича в это время уже не было в живых, речь здесь идет о другом сыне Ивана Резанца.

В 1524 году Резанец принимал участие в судебном процессе, касавшемся процедуры «вывода» шляхетства господарских дворян Сасиных-Федоровичей. После публично высказанных в адрес Сасиных обвинений в неблагородном происхождении суд обязал их «поставити» перед собой «род свой шляхту». В соответствии с одним из артикулов Первого Литовского статута, «тот, хто выводится, маеть поставити з отца и з матки два шляхтича, а тые мають присягнути» [Pirmasis Lietuvos Statutas, 1991, p. 114]. Перед судом предстали Иван Резанец, бояре Слонимского повета Иван Свитич с племянником Андреем Лазоровичем и Одионец Гринкович, присягнув на том, что «тые Сасины есть им в роде близкие, кровные» [LM, kn. 224, 1997, № 95, p. 105]. Таким образом, это известие дополнительно очерчивает примерный круг родственных связей шляхтичей Резанцев.

Согласно переписи литовского войска 1528 года, господарский дворянин Иван Резанец должен был «сам ехати ку службе земской» [Перапіс войска ... , 2003, с. 53, л. 13]. В 1531 году он упоминался в составе судебной комиссии, разбиравшей земельную тяжбу между паном О. Яцыничем и князем Ф. И. Жеславским [LM, kn. 15, 2002, № 206, p. 269]. По росписи раздачи денежного содержания дворянам 1536 года выплаты полагались «Резанцом двум» [Ibid., kn. 21, 2019, № 5, p. 26] — вероятно, Ивану и одному из его сыновей.

Ивана Резанца уже не было в живых в 1550 году, когда его имением распоряжались сыновья, господарские дворяне Фурс и Михаил «Резаны» (см.: [Ревизия пуш ... , 1867, с. 197–198]). Представители рода «Резанов» (Резанцев, реже Резанцевичей) — Михаил Иванович с женой Ганной Мишковной и сыном Макаром, а также умерший ранее декабря 1557 года Фурс Иванович с женой Федорой (Федей) Бельцовой, сыновьями Степаном и Семеном — регулярно фигурируют в документах Слонимского земского суда 1556–1570 годов (см.: [АВАК, 1895, с. 455–456, указ.]). В материалах переписей литовского войска 1565 и 1567 годов упомянуты только Михаил Резанец и его племянник Семен. Первый снаряжал одного вооруженного всадника с родового «дворца» Стецковского, а второй, состоя в 1567 году на службе у «пана ловчего» (очевидно, у Г. Б. Воловича (см.: [Urządniczy ... , 1994, s. 66])), экипировал двух всадников с имений в Слонимском и Кобринском поветах, а также дополнительно «ставил» в войско двух своих слуг (см.: [РИБ, 1915, с. 315, 317, 841, 845]).

Петр-Афанасий Глебов «из земли Рязанской»

Известны записи синодиков основанного в 1498 году Супрасльского Благовещенского монастыря о некоем Петре-Афанасии Глебове «из земли Рязанской». В «старый» пергаменный синодик внесен «Род врядника дворов церковных Петрова, прозъвающаго Афанаса, Глебова из земли Резанские» [Археографический сборник ... , 1870, с. 457]. В «новый» синодик, заведенный в 1631 году, была перенесена поминальная запись «Рода Афанасия Глебова з земле Резаньской» [Перечневая опись рукописей ... , 1871, с. 18]. Комментируя присутствие имен выходцев из Северо-Восточной Руси в синодиках-помянниках литовских монастырей, К. Ю. Ерусалимский пришел к выводу, что «москвиты» «приобретали право на поминание в православной святыне, оставаясь российскими подданными и оставаясь до конца жизни в России» [Ерусалимский, 2011, с. 419]. В отношении рязанца Глебова это категоричное и слишком обобщенное суждение можно поставить под сомнение.

Во-первых, изначальная запись «старого» пергаменного синодика отмечает, что Петр-Афанасий был урядником церковных дворов, то есть должностным лицом, управлявшим недвижимым имуществом какой-то духовной корпорации. Маловероятно, что служивший властям Рязанской и Муромской епархии человек мог именовать себя в переданной им тем или иным путем в Супрасль родопомянной записи «врядником», поскольку это специфичный термин, полонизм, усвоенный западнорусским языком. Предпочтительней кажется версия о постоянном пребывании Глебова в Литве и его службе иерархам Киевской митрополии.

Во-вторых, дети боярские Глебовы, позднее причислившие себя к потомству легендарного Облагини, были фигурантами «розыскного дела» о побеге великого князя рязанского Ивана Ивановича (1521 год). Тогда Д. Ф. Сунбулов под пыткой показал, что его господин поручил ему «ехати на Рязань» с грамотами к наиболее приближенным лицам, среди которых был назван Назар Семенов сын Глебов «с братьею». Предполагалось, что Иван Рязанский встретится в условленном месте с заговорщиками, которые «приведут к нему кони свежие... да и детей боярских с собою», и, в случае провала переговоров с Мухаммед-Гиреем, отправится с ними в Литву. Помимо самого Назара Глебова, из его «братьи» во время следствия был допрошен только Иван Бебех Семенов сын Глебов, хотя здесь нужно учитывать, что «розыскное дело» сохранилось не полностью (см.: [АСЭИ, 1964, с. 406–409]).

В родословной росписи 1685 года в этом поколении Глебовых показаны четыре родных брата: «у Ивана Яковлева сына, что прозвище Семен, дети: Глеб да Назарей, бездетен, да Савин, да Тимофей» [Российская генеалогия, 2019, с. 231]. Имя Ивана Бебеа в росписи отсутствует, но, наряду с именем сына «бездетного» Назара, оно значится в Дворовой тетради — в середине XVI века Глебовы продолжали служить по Рязани: «Назарей да Бебех Семеновы дети Глебова. Назарьев сын Михалец, а Бебехов сын Васюк» [Тысячная книга ... , 1950, с. 166].

Среди «братьи» Назара Глебова — то есть среди тех детей боярских, на помощь которых рассчитывал князь Иван Рязанский и с которыми он мог отъехать в Литву, — имени Петра-Афанасия Глебова нет. Неизвестно также, когда им был сделан вклад в Супрасльский монастырь и являлся ли он современником последнего великого князя рязанского. Если верно указание на службу Глебова в урядниках, значит, в Литве было признано его благородное, шляхетское происхождение. Других Глебовых, обладавших достаточно высоким статусом и тесно связанных с Рязанским княжеством, в это время как будто бы не было. Кроме того, само понятие «земля Рязанская», зафиксированное в родопомянной записи Глебова, должно трактоваться в свойственном для русского Средневековья значении «независимое государство» (см.: [Горский, 2019, с. 157–162]), то есть подразумевать Великое княжество Рязанское, а не Рязанский уезд в составе Московского государства. Именно в таком значении термин «земля» в отношении Рязанского княжества употреблялся и после его присоединения к Москве. В частности, в 1537 году Сигизмунд I Старый охарактеризовал политические амбиции князя С. Ф. Бельского следующими словами: «хотячи итти доставати земли Рязанское, дедизны свое...» [LM, kn. 21, 2019, № 104, p. 113].

Нужно полагать, что после 1521 года рязанская политико-культурная идентичность не могла сохраняться на протяжении длительного времени даже в местной служилой среде, представители которой в короткие сроки (как до заточения князя Ивана Ивановича, так и сразу после его побега) были интегрированы в состав Государева двора. Указание на происхождение Петра-Афанасия Глебова именно из «земли» Рязанской, а например, не «из Рязани» (города или уезда), свидетельствует, на наш взгляд, о том, что он должен был застать Великое княжество Рязанское периода его независимости, то есть был современником князя Ивана Ивановича и гипотетически мог укрыться в Литве вместе с ним.

Следует сказать еще об одном Глебове, который оказался в Великом княжестве Литовском в конце XV века, но, согласно родословцам, принадлежал не к потомству Облагини, а к роду Сорокоумовых-Глебовых, возводивших себя к касожскому князю Редеге (Редее). По росписи Сорокоумовых-Глебовых и их однородцев Чевкиных, сын Андрея Кузьмича Дурного Глебова (правнука Михаила Сорокума) Иван был «отдан в Литву в приданье» — отправлен в составе свиты великой княжны Елены Ивановны в Вильну в начале 1495 года (см.: [Родословная книга ... , 1787, с. 184 ; Российская генеалогия, 2021, с. 153 ; 2022, с. 355]). Сын Ивана Андреевича Михаил считается родоначальником Колтовских.

В так называемом «Синодике В. М. Колтовского» (середина XVII века; см. об этом памятнике: [Хоруженко, 2013, с. 260–267]) и в одной из сфальсифицированных «вставок» в Хрущевский список Степенной книги (последняя четверть XVII века, см.: [Автократов, 1955, с. 255–279]) изложена родословная легенда Колтовских. Андрею Дурному было приписано прозвище Чевка, что делало его общим предком Колтовских и Чевкиных. Иван Андреевич якобы погиб в Литве «за веру Христову» вместе с Еленой Ивановной, оставив по себе сына Михаила, который служил князю В. И. Шемячичу, был испомещен в Стародубе, затем перешел на службу к Ивану Рязанскому, а позднее был пожалован «волестью Колтовской на Кашире» «за смерть и за службу отца его». С точки зрения генеалогического счета поколений родословная легенда Колтовских не выдерживает критики, под вопросом служба Михаила Ивановича князю Шемячичу, как и получение именно от него родового села Колтово, хотя позднейшая связь Колтовских с Рязанским уездом вполне реальна (см.: [Хоруженко, 2013, с. 268–269]). С. Н. Автократов допустил вероятность присутствия Ивана Андреевича Глебова в свите дочери Ивана III (см.: [Автократов, 1955, с. 265]). И. А. Кирпичников предположил, что предлогом для включения в роспись Сорокоумовых-Глебовых известия о поездке Глебова в Литву стало упоминание «Ивашки владычень рязанского» среди тех, кто в действительности сопровождал великую княжну (см.: [Кирпичников, 2021, с. 88, примеч. 3]). Фигура этого Ивашки, в прошлом служившего епископу Рязанскому и Муромскому, а в 1495 году состоявшего в отряде боярина М. Я. Русалки Морозова в статусе сына боярского, остается неизвестной.

Как свидетельствует «Список, которые бояре и дети боярские поехали княжны провожати в Литву», в свите Елены Ивановны все же находился один из Сорокоумовых-Глебовых, но не Иван Андреевич, а его двоюродный дядя, сын боярский Федор Беляница (см.: [СБРИО, 1882, с. 164]). Если верить родословной росписи, он был сыном Василия Меньшого Глебова и правнуком Михаила Сорокума (см.: [Родословная книга ... , 1787, с. 206 ; Российская генеалогия, 2021, с. 154]). Московская делегация пробыла при великой княжне совсем недолго и в августе-сентябре 1495 года была вынуждена покинуть Литву. В дальнейшем в составе двора Елены Ивановны присутствовали выходцы из Северо-Восточной Руси, но в их числе уже не упоминаются сопровождавшие ее лица (см.: [Корзинин, 2022]). Согласно родословцам, Федор Беляница Глебов умер бездетным; другим источникам он неизвестен.

Иван Иванович Кобяков: рязанец или москвитин?

В первые два десятилетия XVI века к правящей элите Великого княжества Рязанского принадлежали сразу несколько представителей рода Кобяковых, однако более ранняя история этой семьи неизвестна. В 1521 году, во время нападения Мухаммед-Гирея, «на Резани», помимо наместника И. В. Хабар-Симского и ранее перешедших на московскую службу Стрекалы Измайлова, Булгака и Федора Денисьевых, Ивана и Семена Коробьиных, находились воеводы Клементий, Михаил и Василий Кобяковы, причем все трое (наряду с Ф. Ф. Сунбуловым) значились в разрядах как воеводы «князь Ивановы [Рязанского]». Двое из них, Михаил и Клементий, а также сын последнего Григорий допрашивались в ходе «розыскного дела» о побеге великого князя рязанского (см.: [АСЭИ, 1964, с. 406–409 ; Кирпичников, 2021, с. 82, 118–120]).

Кобяк (Кобак) — нередкое личное имя и прозвище, восходящее к тюркскому “köpek”, “köpäk” — ‘собака’ (см.: [Баскаков, 1979, с. 204]). В конце 1500-х — начале 1510-х годов на литовской службе упоминался господарский дворянин Иван Иванович Кобяков. В документах Литовской метрики его родовое прозвание приводится в разных формах, как с патронимическим суффиксом -ов, так и без него: Кобак, Кобяк, Кобаков, Кобяков. Важно отметить, что в описании подлинной грамоты 1511 года, составленной от имени Ивана Ивановича, он назван именно Кобяковым („uzgonu Iwan Iwanowicz Kobiakow“), и эта форма его прозвания, безусловно, была заимствована непосредственно из текста документа [LM, kn. 1, 1998, № 270, p. 64].

Список созданной в конце XVII века родословной росписи Кобяковых дефектен и неполон, Иван Иванович в ней отсутствует (см.: [Российская генеалогия, 2018, с. 180–181]). Если он действительно принадлежал к роду рязанских бояр и детей боярских Кобяковых, его отъезд в Литву, как и в случае с Матвеем Булгаком, не был связан с событиями 1521 года и состоялся задолго до «поимания» и последующего бегства князя Ивана Рязанского. Вполне вероятно, что Кобяков пересекал

русско-литовскую границу во время войны 1507–1508 годов либо немногим ранее. Согласно включенной в Литовскую метрику «Книге отправок», в 1509–1510 годах Ивану Кобакову (Кобаку) неоднократно делались выплаты из государственной казны [LM, kn. 8, 1995, № 558, p. 408 ; № 559, p. 410 ; № 573, p. 421 ; № 576, p. 427], однако первое земельное пожалование он получил от Сигизмунда I Старого еще до заключения «вечного» мира между Москвой и Вильной. 20 июля 1508 года дворянину Ивану Кобакову по его челобитью был отдан «на хлебокормлень» «двор» Жорославка, административный центр Жорославской волости Городенского повета⁵. Представляется, что такая и подобные ей формулировки пожалования (например, «на выхованье», то есть на прокорм; «на поживенье») подразумевали в первую очередь обеспечение собственностью новоприбывших служилых людей, тех, кто только перешел в литовское подданство.

Двор Жорославка отдавался Кобякову «с челядью невольною и з животиною, и з житом, и со всим с тым, што в том дворе есть»; к этому великий князь «придал» ему «сто чоловеков» в Жорославской волости, «которые сеять около того двора» [LM, kn. 8, 1995, № 340, pp. 270–271]. Как выясняется из более поздних источников, в самой Жорославке Кобякову принадлежали 64 крестьянские службы [Ibid., kn. 9, 2002, № 262, p. 197].

Великокняжеское пожалование делало И. И. Кобякова крупным землевладельцем, что свидетельствует о его высоком статусе, безоговорочно признанном в Литве. Его привилегированное положение наглядно демонстрируют данные реестра раздачи крестьян и земли «москвичом», осуществленной в той же Жорославской волости. Единовременное пожалование челяди и угодий «на хлебокормлень» сразу 18 выходцам из Московского государства состоялось предположительно между сентябрем и декабрем 1509 года. Никто из них не получил более восьми крестьянских служб и пяти «земль пустых», причем в ряде случаев одно пожалование предназначалось сразу нескольким родственникам (Ерлыковым, Шишкиным⁶, Коптевым) [LM, kn. 8, 1995, № 454, p. 334]. Очевидно, что эти «москвичи», в отличие от Кобякова, были рядовыми детьми боярскими.

В жалованной грамоте 1508 года не оговаривались сроки распоряжения Кобяковым Жорославкой («вечно», «до живота», «до воли и ласки»), а понятие «хлебокормлень» не предусматривало безусловный характер землевладения: великий князь был волен в любой момент пересмотреть свое пожалование, уменьшив его размер либо взяв дарованную землю «на себя» с одновременным предоставлением равноценной «отмены» (компенсации). Между 1508 и 1511 годами у Кобякова была отобрана какая-то часть жорославских крестьян и отдана Сигизмундом I «дворянину нашему Василью Яковцову» — предположительно В. Я. Резанцову. Об этом становится известно из сохранившейся в копии великокняжеской грамоты от 18 августа 1511 года (в описании подлинника — 18 июля) [LM, kn. 1, 1998, № 272, p. 64], подтверждавшей переход Жорославки от одного владельца к другому. Летом 1511 года И. И. Кобяков получил от великого князя дозволение продать («спустити») свое имение земскому подскарбему Авраму Езофовичу. Кобяков принял такое решение, «идучи в чернцы» — собираясь принять монашеский постриг [Ibid., kn. 9, 2002, № 262, pp. 196–197]. Его продажная грамота Езофовичу была составлена еще 9 июня в Берестье, где тогда проходил сейм. Впоследствии подлинная грамота, скрепленная двумя печатями, хранилась в архиве литовской государственной канцелярии. Сумма сделки составила 100 коп грошей, и, что нужно отметить особо, Кобяков продавал подскарбему имение «на вечность» („przedał y naznaczył na wieczność“), то есть распоряжался им как своей вотчиной [Ibid., kn. 1, 1998, № 272, p. 64]. «Вечно», без дополнительных оговорок, эта купля была подтверждена Авраму Езофовичу и Сигизмундом. Следует полагать, что после 1508 года Иван Иванович получил от великого князя еще одну грамоту, закреплявшую его наследственные права на двор Жорославка.

После заключения этой сделки И. И. Кобяков более не упоминается в документах; в частности, его имени нет в реестрах господарских дворян 1512 и 1514 годов. По всей видимости, вскоре он исполнил свое намерение принять постриг в одном из монастырей Великого княжества Литовского.

⁵ Ныне деревня Жарославка (бел. Жарослаўка) — Гродненского района и области Белоруссии.

⁶ Упомянутые Шишкины не рассматриваются нами в качестве возможных рязанцев: представители рязанского рода, восходящего, согласно родословцам, к Солохмиру Мирославичу, судя по всему, именовались в источниках не Шишкиными, но Шишковыми (см.: [Хоруженко, 2023, с. 2, 4, 5]).

Признание в Литве прежнего высокого положения Кобякова и одновременное отсутствие известий о его службе при дворе великих князей рязанских (как, впрочем, и сведений о службе других Кобяковых ранее начала XVI века) позволяет рассмотреть еще одну версию его происхождения. Сохранилось описание грамоты 1510 года, которой Сигизмунд I Старый жаловал «плац» возле Виленского замка своему дворянину «москвитину Кобакову» („moskwicinowi Kobakowi“) [LM, kn. 1, 1998, № 170, р. 51]. Почти нет сомнений в том, что «плац» (свободное место под строительство дома или усадьбы) был пожалован Ивану Ивановичу Кобякову. С одной стороны, определение «москвитин» не обязательно противоречит его возможному происхождению из рода Кобяковых-рязанцев: покинув Рязань, Иван Иванович мог какое-то время служить великим князьям московским, а уже затем отъехать в Литву. С другой стороны, это известие допускает его связь с другим служилым родом — Кобяковых-Наумовых.

Наумовы, Бухаровы и их однородцы Кобяковы-Наумовы возводили себя к «мужу честну» Павлину, якобы выехавшему к Симеону Ивановичу Гордому из Швеции («из немец Свицкие земли»). Кобяковы-Наумовы происходили от Ивана Кобяка, одного из четырех сыновей Григория Григорьевича Большого Наумова, праправнука Павлина. В Палату родословных дел Разрядного приказа было подано две росписи Наумовых. В основной части первой из них (1682 год) у Григория Большого показаны только три сына, однако в конце росписи отмечено, что «от четвертаго сына Григорьева, от Ивана Кобяка, пошли Кобяковы-Наумовы, и своему поколению они принесут сами роспись». Во второй росписи (1686 год), действительно, представлен род «Ивана Григорьева сына Кобяка Наумова» — его потомки находились среди подателей этой родословной (см.: [Российская генеалогия, 2019, с. 266–269]).

Источникам конца XV — начала XVI века известен дьяк великих князей московских Иван Кобяк. По какой-то причине еще с XIX столетия исследователи убежденно приписывают ему отчество Филиппович, отождествляя родоначальника Кобяковых-Наумовых с его родным племянником Иваном Филипповичем Наумовым. В указатель личных имен к изданию посольских книг, вышедшему в свет в 1882 году под редакцией Г. Ф. Карпова, включена рубрика «Кобяков-Наумов Иван Филиппович». В обнародованных в этом издании документах в связи с разнесенными во времени событиями упомянуты: «Кобяк», в 1501 году пристав при литовских послах; «Иван Кобяков Наумов», отправленный в 1506 году с посольством в Литву; «Иван Филипов Наумова», сидевший в 1520 году за столом во время приема боярином Г. Ф. Давыдовым «человека» виленского воеводы М. М. Радзивилла (см.: [СБРИО, 1882, с. 324, 481–482, 552]). Сославшись на издание 1882 года, Н. П. Лихачев заключил, что «дьяк Иван Кобяк, надо думать, одно лицо с Иваном Филипповичем Кобяковым-Наумовым» [Лихачев, 1888, с. 121, примеч. 1]. В дальнейшем этот тезис не пересматривался, и в большинстве работ, включая обстоятельные исследования последних лет, дьяку Ивану Кобяку неизменно приписывается отчество Филиппович (см.: [Веселовский, 1975, с. 244 ; Савосичев, 2015, с. 116–117 ; Корзинин, 2016, с. 388, 401]).

Между тем для отождествления двух представителей рода Наумовых нет никаких оснований. В звании «дьяка великого князя» Иван Кобяк упоминается только в документах 1490-х годов, и лишь в одном из них, докладной разъезжей грамоте, датируемой издателями 1490–1499 годами, приводится его полное имя — «а туто был дьяк великого князя Иван Кобяк Григорьев сын Наумов» (цит. по: [Антонов, Баранов, 1997, с. 15]). В остальных случаях он фигурирует под своим христианским именем и прозвищем либо только под прозвищем, которое, в отличие от родового прозвания и отчества, и делало его узнаваемым для современников лицом (см.: [Новиков, 1790, с. 4 ; АФЗХ, 1951, № 117, с. 110 ; АСЭИ, 1952, № 523, с. 466 ; № 628, с. 539, 541 ; ПСРЛ, 2005, с. 513]).

Неубедительным в этой связи видится предположение А. Ю. Савосичева о том, что «в роду Наумовых было два Ивана по прозвищу Кобяк» [Савосичев, 2015, с. 116]. Племянник дьяка Иван Филиппович и затем его сыновья не пользовались этим прозвищем. Посольские документы содержат единственное известие об Иване Филипповиче, и в нем он значится просто Наумовым. Двое из четверых его сыновей (в родословцах указаны трое) отмечены в Тысячной книге и Дворовой тетради как «Василей да Григорей Сердце Ивановы дети Наумова Филиппова» [Тысячная книга ... , 1950, с. 71, 159]. По своему брату «Михаиле Наумове» в 1542 году в Троицкий монастырь сделали вклады «Василей Иванов сын Наумов», «брат ево Иван да Григорей» (см.: [Вкладная книга ... , 1987, с. 92, л. 327 об.]). Потомки Ивана Кобяка, напротив, последовательно использовали его прозвище в составе своей фамилии. Его сын писался Алексеем

Ивановичем Кобяковым-Наумовым (см.: [Савосичев, 2015, с. 118]), в числе подателей одной из росписей Наумовых в Палату родословных дел было сразу несколько Кобяковых-Наумовых (см.: [Российская генеалогия, 2019, с. 269]).

В 1500-е годы Кобяк уже не упоминался как дьяк великого князя. Будучи в 1501 году приставом, он фигурировал в документах без какого-либо звания или чина. Вскоре после получения в Москве известия о смерти великого князя литовского Александра (умер 19 августа 1506 года) Кобяк был отправлен с посольством в Литву. Софийская вторая летопись сообщает, что великий князь московский «послал сестры своей навещать Елены Ивана Кобяка» [ПСРЛ, 2001, с. 377], посольские документы именуют его «Иваном Кобяковым Наумовым» [СбРИО, 1882, с. 481], сам Василий III уже позднее писал сестре, овдовевшей королеве и великой княгине Елене Ивановне, что «мы посылали к тебе нашего сына боярского Ивана Кобяка сына Наумова» (в списках документа из Литовской метрики явно ошибочное чтение «нашого болгарского») [LM, kn. 7, 2011, № 50, p. 133 ; kn. 8, 1995, № 73, p. 120].

Добавление в одном из случаев патронимического суффикса к прозвищу Кобяк, как и определение посланника в качестве сына боярского, дает возможность предположить, что речь могла идти уже о сыне дьяка, Иване Ивановиче Кобякове-Наумове. Хронологически это посольство совпадает с предполагаемыми сроками отъезда Кобякова в Литву. В то же время ряд аргументов ставит под сомнение сделанное предположение. В родословной росписи Наумовых 1686 года у Ивана Кобяка показан только один сын Алексей, хотя его потомки могли скрыть сведения об однородце-эмигранте либо вовсе не знать о его существовании. В ходе посольства Кобяку было велено предложить панам рады кандидатуру Василия III на литовский престол («чтоб они похотели его на государство Литовское») — едва ли столь ответственная миссия могла быть поручена молодому, еще не искушенному в дипломатии человеку. Посольство Кобяка привезло «ответ» королевы («а в ответе Кобяку королева говорила...»), в котором она сообщала о передаче великокняжеского трона Сигизмунду и просила освободить пленников Ведрошской битвы. Эта ситуация подразумевала возвращение участников посольства, хотя «ответ» Елены Ивановны и мог быть передан с гонцом (из спутников Кобяка упомянуты Ивашко Микулин и Логин Семичев, см.: [СбРИО, 1882, с. 481–482]). Наконец, «Иван Кобяк» служил Василию III еще в 1510 году, когда был отправлен с посольством к казанскому хану Мухаммед-Амину (см.: [ПСРЛ, 2001, с. 391]). Иван Иванович Кобяков в это время нес «дворянскую» службу великому князю литовскому.

Таким образом, для вынесения убедительных суждений о происхождении И. И. Кобякова сведений сохранившихся источников недостаточно. Очевидно только, что он был известным человеком по обе стороны русско-литовской границы, и это позволило ему занять прочное положение при дворе Сигизмунда I Старого.

Заключение

Несмотря на территориальную близость Рязанского и Литовского великих княжеств, во всей массе служилых людей-эмигрантов, покинувших прежних сюзеренов ради службы литовским господарям, доля рязанцев кажется ничтожной. Источники не позволяют с безоговорочной уверенностью говорить о былой связи с Рязанью дворян Резанцовых и Резанцев, в отношении фигуры Кобякова в равной степени допустимы версии о его рязанском либо московском происхождении, и лишь Матвей Булгак, Петр-Афанасий Глебов, а также последовавший в Литву за великим князем Иваном Ивановичем «резанец» Степан Крюков (см.: [Ерусалимский, 2018, с. 108, примеч. 320]) предстают несомненными выходцами из рязанской служилой корпорации. Безусловно, из-за таких существенных проблем, как низкая сохранность литовских актов XV — начала XVI века, неустойчивость родовых прозваний, нечастые упоминания о выездах в родословных росписях, говорить об исчерпывающем выявлении сведений об оказавшихся в Литве рязанцах не приходится. Так, например, скудные известия Литовской метрики о земельных пожалованиях князю Ф. И. Пронскому и затем его сыну князю Юрию, бежавшим к королю Казимиру в середине XV века (см. подробнее: [Флоря, 1978]), не дают никакой информации об их окружении. Тем не менее собранный материал видится в достаточной мере репрезентативным для того, чтобы сформулировать вывод о последовательной промосковской ориентации рязанских

бояр и детей боярских, сделавших выбор в пользу службы московским, а не литовским великим князьям. Эта тенденция сохранялась на протяжении длительного времени и наиболее показательно проявилась в последний год существования независимого Рязанского государства, когда абсолютное большинство местной служилой знати отказалось от поддержки своего князя.

Список источников

1. Автократов С. Н. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. — Т. 9. — С. 255–279.
2. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов (АВАК). — Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1895. — Т. XXII. — 535 с.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (АСЭИ). — М. : Изд-во АН СССР, 1952. — Т. 1. — 690 с. ; Т. 3. — 1964. — 687 с.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков (АФЗХ). — М. : Изд-во АН СССР, 1951. — Ч. I. — 400 с.
5. Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI века из архива Московского Чудова монастыря // Русский дипломатарий. — М. : Археограф. центр, 1997. — Вып. 2. — С. 3–22.
6. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. — Вильна : Печатня О. Блюмовича, 1870. — Т. IX. — X, 486 с.
7. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. — М. : Наука, 1979. — 279 с.
8. Бережков Н. Г. Литовская метрика как исторический источник. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. — 179 с.
9. Бондаренко А. А., Хоруженко О. И. Вотчинные монастыри русского Средневековья: Булгаков монастырь в Великом княжестве Рязанском // Российская история. — 2023. — № 4. — С. 23–38.
10. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. — М. : Наука, 1974. — 382 с.
11. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. — М. : Наука, 1975. — 606 с.
12. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. — М. : Наука, 1987. — 439 с.
13. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. — Мінск : Беларус. навука, 2010. — Вып. 30. — 496 с.
14. Горский А. А. Русское средневековое общество : ист.-терминолог. справ. — СПб. : Изд-во О. Абышко, 2019. — 410 с.
15. Ерусалимский К. Ю. Московиты в Польско-Литовском государстве второй половины XVI — начала XVII в. : дис. ... д-ра ист. наук : 24.00.01. — М., 2011. — 1055 с.
16. Ерусалимский К. Ю. На службе короля и Речи Посполитой. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. — 1012 с.
17. Зимин А. А. Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в. // История СССР. — 1973. — № 3. — С. 124–142.
18. Иловайский Д. [И.] История Рязанского княжества. — М. : Унив. тип., 1858. — 337 с.
19. Кирпичников И. А. Рязанская служилая элита в конце XV — первой трети XVII века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — М., 2021. — 839 с.
20. Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). — М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2016. — 663 с.
21. Корзинин А. Л. Двор великой княгини литовской и королевы польской Елены Ивановны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2022. — Т. 67, вып. 3. — С. 667–691.
22. Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. — СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888. — XVI, 559, 72, 101, VI с.
23. Новиков Н. [И.] Древняя российская вивлиофика. — М. : Тип. компании Типографич., 1790. — Ч. XIII. — 463 с.
24. Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. — М. ; Варшава : Древлехранилище, 2002. — Т. VI. — 268 с.
25. Памятники истории русского служилого сословия. — М. : Древлехранилище, 2011. — 555 с.
26. Перечневая опись рукописей Виленской публичной библиотеки. — Вильна : Печатня А. Г. Сыркина, 1871. — Вып. I. — 216 с.
27. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). — М. : Языки славян. культуры, 2001. — Т. VI. — Вып. 2. — 249 с. ; 2005. — Т. XXII. — 896 с.
28. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. — Вильна : Тип. Губ. прав., 1867. — 386 с.
29. Российская генеалогия. — М. : Старая Басманная, 2016-. — Вып. 3. — 2018. — С. 119–242 ; Вып. 5. — 2019. — С. 138–402 ; Вып. 10. — 2021. — С. 119–270 ; Вып. 11. — 2022. — С. 255–430.

30. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. — М. : Унив. тип., 1787. — Ч. II. — 453 с.
31. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 389 (Литовская метрика). — Оп. 1. — Кн. 33.
32. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею (РИБ). — Пг. : Тип. Главного упр. уделов, 1915. — Т. 33. — 702 с.
33. Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV–XVI веков: происхождение и социальные связи : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. — Орел, 2015. — 903 с.
34. Сборник Императорского Русского исторического общества (СБРИО). — СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1882. — Т. 35. — 6, VI, XXII, 870 с., 116 стб.
35. Словарь русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ). — М. : Наука, 1997. — Вып. 22. — 298 с. ; 2000. — Вып. 24. — 254 с.
36. Сметанина С. И. Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. — М. : Археогр. центр, 1995. — Вып. 6. — С. 49–80.
37. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. — СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1912. — Т. III. — 1684, 272 ст., 13 с.
38. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903. — 863 с.
39. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — 456 с.
40. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — 2-е изд., стер. — М. : Прогресс, 1987. — Т. III. — 832 с.
41. Флоря Б. Н. Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. — М. : Наука, 1978. — С. 182–189.
42. Хоруженко О. И. Герб в практиках формирования родовых корпораций русского дворянства XVII–XIX вв. — М. : Квадрига, 2013. — 415 с.
43. Хоруженко О. И. «Муж честен» Солохмир Мирославич в источниках XVI–XVII веков // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2023. — № 1 (78). — С. 7–19.
44. Казакоў А. У. Эміграцыя знаці з рускіх княстваў у Вялікае княства Літоўскае (40-я гг. XV — 30-я гг. XVI ст.) : дыс. ... канд. гістар. навук : 07.00.03. — Мінск, 2010. — 154 с.
45. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523. Кніга публічных спраў 1. — Мінск : Беларус. навука, 2003. — 444 с.
46. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. — Київ : Наукова Думка, 1978. — Т. 2. — 592 с.
47. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). — Zbiór dokumentów pergaminowych. — № 7456.
48. Boniecki A. Poczet rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. — Warszawa : Druk. J. Bergera, 1887. — 425 s.
49. Lietuvos Metrika (LM). — Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas: Lietuvos istorijos inst. Leidykla : Vilniaus universiteto leidykla : Žara, 1995–. — Kn. 1 (1380–1584). — 1998. — 207 p. ; Kn. 4 (1479–1491). — 2004. — 285 p. ; Kn. 7 (1506–1539). — 2011. — XXIX, 1012 p. ; Kn. 8 (1499–1514). — 1995. — 709 p. ; Kn. 9 (1511–1518). — 2002. — 615 p. ; Kn. 15 (1528–1538). — 2002. — 446 p. ; Kn. 19 (1535–1537). — 2009. — 362 p. ; Kn. 21 (1536–1537). — 2019. — XXXII, 350, [2] p. ; Kn. 224 (1522–1530). — 4-oji Teismų būtų knyga (XVI a. pabaigos kopija). — 1997. — CXLVIII, 512 p.
50. Pirmasis Lietuvos Statutas. — Vilnius : Mintis, 1991. — Т. 2. — D. 1. — 426 p.
51. Urzędnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku: spisy. — Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 1994. — 255 s.

References

1. Avtokratov S. N. “Ivan the Terrible’s Speech of 1550” as a political pamphlet of the late 17th century. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Papers of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1955, vol. 9, pp. 255–279. (In Russian).
2. *Akty, izdavayemyye Vilenskoyu komissiyeyu dlya razbora drevnikh aktov (AVAK)* [Acts published by the Vilna Commission for Analysis of Ancient Acts (AVAK)]. Vilna, A. G. Syrkin Publ., 1895, vol. XXII, 535 p. (In Russian).
3. *Akty sotsialno-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV — nachala XVI v. (ASEI)* [Acts of the socio-economic history of North-Eastern Rus’ in the late 14th — early 16th centuries (ASEI)]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1952, vol. 1, 690 p.; vol. 3, 1964, 687 p. (In Russian).
4. *Akty feodalnogo zemlevladieniya i khozyaystva XIV–XVI vekov (AFZKH)* [Acts of feudal land ownership and economy of the 14th–16th centuries (AFZH)]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1951, pt. I, 400 p. (In Russian).

5. Antonov A. V., Baranov K. V. Unknown acts of the 14th–16th centuries from the archive of the Moscow Chudov Monastery. *Russkiy diplomatiy* [Russian diplomacy]. Moscow, Arkheograficheskiy Tsentr Publ., 1997, iss. 2, pp. 3–22. (In Russian).
6. *Arkheograficheskiy sbornik dokumentov, otnosyashchikhsya k istorii Severo-Zapadnoy Rusi* [Archaeographic collection of documents related to the history of North-Western Rus']. Vilna, O. Blyumovich Publ., 1870, vol. IX, X, 486 p. (In Russian).
7. Baskakov N. A. *Russkiye familii tyurkskogo proiskhozhdeniya* [Russian surnames of Turkic origins]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 279 p. (In Russian).
8. Berezhkov N. G. *Litovskaya metrika kak istoricheskiy istochnik* [Lithuanian metrics as a historical source]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1946, 179 p. (In Russian).
9. Bondarenko A. A., Khoruzhenko O. I. Patrimonial monasteries of the Russian Middle Ages: Bulgakov Monastery in the Grand Duchy of Ryazan. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2023, iss. 4, pp. 23–38. (In Russian).
10. Veselovsky S. B. *Onomastikon. Drevnerusskiye imena, prozvizhcha i familii* [Onomasticon. Old Russian names, nicknames and surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 382 p. (In Russian).
11. Veselovsky S. B. *Dyaki i podyachiye XV–XVII vv.* [Clerks and sub-clerks in the 15th–17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 606 p. (In Russian).
12. *Vkladnaya kniga Troitse-Sergiyeva monastyrya* [Book of contributions of the Trinity Monastery of St. Sergius]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 439 p. (In Russian).
13. *Historyчны слоўнік беларускай мовы* [Historical dictionary of the Belarusian language]. Minsk, Belarus. navuka Publ., 2010, vol. 30, 496 p. (In Byelorussian).
14. Gorsky A. A. *Russkoye srednevekovoye obshchestvo: ist.-terminolog. sprav.* [Russian medieval society: historical and terminological reference]. St. Petersburg, O. Abyshko Publ., 2019, 410 p. (In Russian).
15. Yeruslimsky K. Yu. *Moskovity v Polsko-Litovskom gosudarstve vtoroy poloviny XVI — nachala XVII v.* [Muscovites in the Polish-Lithuanian Commonwealth of the Second Half of the 16th — early 17th Centuries]. Dissertation of doctor of history: 24.00.01. Moscow, 2011, 1055 p. (In Russian).
16. Yeruslimsky K. Yu. *Na sluzhbe korolya i Rechi Pospolitoj* [In the service of the king and the Polish-Lithuanian Commonwealth]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2018, 1012 p. (In Russian).
17. Zimin A. A. Feudal nobility of the Tver and Ryazan Grand Duchies and the Moscow boyars of the end of the 15th — first third of the 16th centuries. *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. 1973, iss. 3, pp. 124–142. (In Russian).
18. Ilovaisky D. I. *Istoriya Ryazanskogo knyazhestva* [History of the Ryazan Principality]. Moscow, University Publ., 1858, 337 p. (In Russian).
19. Kirpichnikov I. A. *Ryazanskaya sluzhilaya elita v kontse XV — pervoy trety XVII veka* [Ryazan service elite at the end of the 15th — first third of the 17th century]. Dissertation of candidate of history: 07.00.02. Moscow, 2021, 839 p. (In Russian).
20. Korzinin A. L. *Gosudarev dvor Russkogo gosudarstva v dooprichnnyy period (1550–1565 gg.)* [The Sovereign's Court of the Russian State in the Pre-Oprichnina Period (1550–1565)]. Moscow, St. Petersburg, Alliance-Archeo Publ., 2016, 663 p. (In Russian).
21. Korzinin A. L. The Court of the Grand Duchess of Lithuania and Queen of Poland Elena Ivanovna. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History]. 2022, vol. 67, iss. 3, pp. 667–691. (In Russian).
22. Likhachev N. P. *Razryadnyye dyaki XVI veka* [Discharge clerks in the 16th century]. St. Petersburg, V. S. Balashev Publ., 1888, XVI, 559, 72, 101, VI p. (In Russian).
23. Novikov N. I. *Drevnyaya rossiyskaya vivliofika* [Ancient Russian library]. Moscow, Typ. Of Typographic Comp., 1790, pt. XIII, 463 p. (In Russian).
24. *Pamyatniki istorii Vostochnoy Yevropy: Istochniki XV–XVII vv.* [Historical Monuments of Eastern Europe: Sources of the 15th–17th Centuries]. Moscow, Warsaw, Drevlehranilische Publ., 2002. vol. VI, 268 p. (In Russian).
25. *Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya* [Historical Monuments of the Russian Service Class]. Moscow, Drevlehranilische Publ., 2011, 555 p. (In Russian).
26. *Perechnevaya opis rukopisey Vilenskoj publichnoy biblioteki* [Inventory of manuscripts of the Vilna Public Library]. Vilna, A. G. Syrkin Publ., 1871, iss. I, 216 p. (In Russian).
27. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (PSRL)* [Complete collection of Russian chronicles (PSRL)]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2001, vol. VI, iss. 2, 249 p.; 2005; vol. XXII, 896 p. (In Russian).
28. *Reviziya pushch i perekhodov zverinykh v byvshem Velikom knyazhestve Litovskom* [Review of forests and game crossings in the former Grand Duchy of Lithuania]. Vilna, Provincial Government Typ., 1867, 386 p. (In Russian).
29. *Rossiyskaya genealogiya* [Russian genealogy]. Moscow, Staraya Basmanaya Publ., 2016–, iss. 3, 2018, pp. 119–242; iss. 5, 2019, pp. 138–402; iss. 10, 2021, pp. 119–270; iss. 11, 2022, pp. 255–430. (In Russian).

30. *Rodoslovnaya kniga knyazey i dvoryan rossiyskikh i vyyezzhikh* [The genealogical book of Russian princes and nobles and those who traveled away]. Moscow, University Publ., 1787, pt. II, 453 p. (In Russian).
31. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 389 (Lithuanian Metrics). Op. 1. Bk. 33. (In Russian).
32. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Imperatorskoyu Arkheograficheskoyu komissiyeyu (RIB)* [Russian Historical Library, published by the Imperial Archaeographic Commission (RIB)]. Petrograd, Typ. of Main Administration of Appanages, 1915, vol. 33, 702 p. (In Russian).
33. Savosichev A. Yu. *Dyaki i podyachiye XIV–XVI vekov: proiskhozhdeniye i sotsialnyye svyazi* [Clerks and subclerks of the 14th–16th centuries: origins and social connections]. Dissertation of doctor of history: 07.00.02. Orel, 2015, 903 p. (In Russian).
34. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (SbRIO)* [Collection of the Imperial Russian Historical Society (SbRIO)]. St. Petersburg, F. Eleonsky and K^o Publ., 1882, vol. 35, 6, VI, XXII, 870 p., 116 cols. (In Russian).
35. *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. (SIRYA)* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries (SIRYA)]. Moscow, Nauka Publ., 1997, iss. 22, 298 p.; 2000, iss. 24, 254 p. (In Russian).
36. Smetanina S. I. Ryazan feudal lords and the annexation of the Ryazan Principality to the Russian State. *Arkhiv russkoy istorii* [Archive of Russian history]. Moscow, Archaeographic center Publ., 1995, iss. 6, pp. 49–80.
37. Sreznevsky I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* [Materials for a dictionary of the Old Russian language]. St. Petersburg, Imperial Academy of sciences Publ., 1912, vol. III, 1684, 272 clmns., 13 p. (In Russian).
38. Tupikov N. M. *Slovar drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian personal proper names]. St. Petersburg, I. N. Skorokhodov Publ., 1903, 863 p. (In Russian).
39. *Tysyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad 50-kh godov XVI v.* [The ‘Thousand’ Book of 1550 and the Courtyard Notebook of the 1550s]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1950, 456 p. (In Russian).
40. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar’ russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1987, vol. III, 832 p. (In Russian).
41. Florya B. N. The Grand Duchy of Lithuania and the Ryazan Land in the 15th Century. *Slavyane v epokhu feodalizma* [Slavs in the Age of Feudalism]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 182–189. (In Russian).
42. Khoruzhenko O. I. *Gerb v praktikakh formirovaniya rodovykh korporatsiy russkogo dvoryanstva XVII–XIX vv.* [Coats of arms in the practices of forming family corporations of Russian nobility in the 17th–19th Centuries]. Moscow, Quadriga Publ., 2013, 415 p. (In Russian).
43. Khoruzhenko O. I. The “Nobleman” Solokhmir Miroslavich in Sources from 16th–17th Centuries. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Yesenina* [Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2023, iss. 1 (78), pp. 7–19. (In Russian).
44. Kazakov A. U. *Emigratsiya znaci z ruskikh kniastvaŭ u Vialikaje kniastva Litoŭskaje (40-ja hh. XV — 30-ja hh. XVI st.)* [Emigration of nobles from the Russian principalities to the Grand Duchy of Lithuania (1440s — 1530s)]. Dissertation of candidate history of science: 07.00.03. Minsk, 2010, 154 p. (In Byelorussian).
45. *Pierapis vojska Vialikaha kniastva Litoŭskaha 1528 hoda. Mietryka Vialikaha kniastva Litoŭskaha. Kniha 523. Kniha publičnych spraŭ 1* [Census of the army of the Grand Duchy of Lithuania in 1528. Metric of the Grand Duchy of Lithuania. Book 523. Book of public affairs 1]. Minsk, Belarus. navuka, 2003, 444 p. (In Byelorussian).
46. *Slovyk staroukrayinskoyi movy XIV–XV st.* [Dictionary of the Old Ukrainian language of the 14th–15th centuries]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1978, vol. 2, 592 p. (In Ukrainian).
47. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). *Zbiór dokumentów pergaminowych*. Iss. 7456. (In Polish).
48. Boniecki A. *Poczet rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku*. Warszawa, Druk. J. Bergera, 1887, 425 s. (In Polish).
49. *Lietuvos Metrika (LM)* [Lithuanian Metrics (LM)]. Vilnius, Science and Encyclopedia Publ., Institute of History of Lithuania, Vilnius University Publ., Žara, 1995–, bk. 1 (1380–1584), 1998, 207 p.; bk. 4 (1479–1491), 2004, 285 p.; bk. 7 (1506–1539), 2011, XXIX, p. 1012.; bk. 8 (1499–1514), 1995, 709 p.; bk. 9 (1511–1518), 2002, 615 p.; bk. 15 (1528–1538), 2002, 446 p.; bk. 19 (1535–1537), 2009, 362 p.; bk. 21 (1536–1537), 2019, XXXII, 350, [2] p.; bk. 224 (1522–1530), 4th Book of Court Cases (copy of late 16th century), 1997, CXLVIII, 512 p.]. (In Lithuanian).
50. *Pirmasis Lietuvos Statutas* [The first Statute of Lithuania]. Vilnius, Mintis, 1991, vol. 2, D. 1, 426 p. (In Lithuanian).
51. *Urzednicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku: spisy* [Central officials and dignitaries of the Grand Duchy of Lithuania in the 14th–18th centuries: lists]. Kórník, Kórník Library, 1994, 255 p. (In Polish).

Информация об авторе

Бондаренко Андрей Андреевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Сфера научных интересов: источниковедение российской истории, дипломатика, археография, история Великого княжества Литовского XV–XVI веков.

Information about the author

Bondarenko Andrei Andreevich — candidate of history, research associate of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

Research interests: source study of Russian history, diplomacy, archaeography, history of the Grand Duchy of Lithuania of the 15th–16th centuries.

Статья поступила в редакцию 11.02.2024; принята к публикации 24.09.2024.

The article was submitted 11.02.2024; accepted for publication 24.09.2024.